

производилось по узкому, крайне примитивному мосточку, а верховое и вьючное, бродомъ не превышавшимъ, весною, одного фута глубиною. Жизнь тибетцевъ текла передъ нашими глазами обычнымъ чередомъ. На утренней зарѣ, когда мы еще находились въ постеляхъ, за рѣчкой раздавалось пѣніе пѣтуховъ, отрадно напоминавшее нашу деревню; немного позднѣя просыпались пернатые сосѣдняго лѣса и однѣ за другими своими голосами вносили оживленіе. Съ восходомъ весенняго солнца, скоро согрѣвавшего нашу палатку, лагерь возобновлялъ свою дневную дѣятельность. Въ то же время изъ жилищъ тибетцевъ поднимался дымъ, стада прогонялись на пастбу, женщины спускались за водой; часовъ около десяти утра тибетцы тащились на поля, а около пяти по-полудни уже возвращались обратно. Полуденному отдыху туземцы предавались на поляхъ, пока животныя, оставаясь подъ ярмомъ, сѣдали кормъ, привозимый изъ дома. Пашутъ здѣсь преимущественно на хайныкахъ, считающихся незамѣтными животными и для этой тяжелой работы. Съ пригономъ стадъ домой и погасаніемъ вечерней зари селеніе погружалось въ дремоту; смолкали и дѣтскіе звонкіе голоса, хоромъ взывавшіе къ небу о ниспосланіи на землю обильныхъ урожаевъ.

Южное ущелье, занятое экспедиціей вполне удовлетворяло насъ. Корма для нашихъ животныхъ въ немъ было достаточно; небольшіе же участки лѣса и скалы, окаймленные кустарникомъ, ютили въ себѣ птицъ, за которыми наши препараторы могли охотиться безпрепятственно. По сосѣдству съ лагеремъ экспедиціи, на вершинѣ горнаго скалистаго мыса, скрытно располагалось убѣжище нѣсколькихъ монаховъ, изрѣдка отправлявшихъ богослуженіе; въ глубинѣ же ущелья напротивъ заповѣднаго лѣса, въ сланцевой пещерѣ обиталъ отшельникъ, ни разу не показавшійся на глаза не только никому изъ насъ, но даже и монголамъ-пастухамъ, охранявшимъ экспедиціонный скотъ. Вблизи же заповѣднаго лѣса стояла и палатка тибетца-кочевника, приносившаго въ нашъ лагерь на продажу молочные продукты.

Ко дню прихода экспедиціи въ Бана-джунъ здѣсь уже были слѣдующія прилетныя птицы: коршуны черноухіе, краснохвостки (*Ruticilla rufiventris*, *R. schisticeps*), ласточка горная (*Cotile rupestris*), удодъ (*Upupa epops*), чекканъ (*Pratincola mauga przewalskii*), плиска (*Motacilla hodgsoni*), грачъ (*Frugilegus pastinator*) и турпанъ (*Casarca rutila*). Изъ осѣдлыхъ заслуживаютъ упоминанія кромѣ бородатаго ягпятика и снѣжнаго грифа еще и грифъ-монахъ (*Vultur monachus*), державшійся крайне строго, тогда какъ его гималайскій собратъ былъ